

Гендер и эстетическое событие в «женской» прозе (на материале творчества Б. Кингсолвер)

Виктор А. Миловидов

Тверской государственный университет, Тверь, Россия,

vik-milovidov@yandex.ru

Аннотация. Категория гендера позволяет уточнить специфику эстетического объекта и эстетического события в художественной прозе. Гендерный компонент реализуется не только во внешних проявлениях стиля. Поскольку язык является реализацией, в том числе и биологических интенций человека, гендерные характеристики триады автор–герой–читатель оказывают воздействие на формирование эстетического объекта и процедуру эстетического события, обуславливая их вариативность. Первый роман пулитцеровского лауреата Барбары Кингсолвер, представительницы второй волны американского феминизма, является иллюстрацией данных процессов.

Ключевые слова: гендер, эстетический объект, эстетическое событие, «женский» роман

Для цитирования: Миловидов В.А. Гендер и эстетическое событие в «женской» прозе (на материале творчества Б. Кингсолвер) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 120–128. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-120-128

Gender and aesthetic event in the “feminine” prose (on the materials of Barbara Kingsolver’s works)

Viktor A. Milovidov

Tver State University, Tver, Russia, vik-milovidov@yandex.ru

Abstract. Gender as a category helps to clarify the specific nature of the aesthetic object and the aesthetic event in fiction prose. The gender component reveals itself in visual manifestations of style. As the language proves to be the means of realization of human biological intentions, gender tends to influence the formation of the aesthetic object and the aesthetic event valid for the triad author-character-reader, accounting for its variability.

The first novel by the Pulitzer Prize winner Barbara Kingsolver, a writer of the second wave of American feminism, is an illustration of such processes.

Keywords: gender, the aesthetic object, the aesthetic event, feminist novel

For citation: Milovidov, V.A. (2023), "Gender and aesthetic event in the 'feminine' prose (on the materials of Barbara Kingsolver's works)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 120–128, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-120-128

То, что лучший женский роман всех времен и народов написан мужчиной («Элегия мадонны Фьямметты» Дж. Боккаччо, 1348 г.), ставит под сомнение здравость основных положений и выводов настоящей статьи. Действительно, талантливый писатель, к какой бы гендерной группе он ни принадлежал, создает в своем произведении эстетический объект общечеловеческого свойства и, самое главное, оказывается способен к реконструкции любых способов письма (гендеролектов, геронтолектов, социолектов, диалектов и т. д.), что и делает Боккаччо.

И, тем не менее, поскольку литературное творчество есть работа языка и работа с языком, автор не способен вынести за скобки свои обусловленные полом гендерные предпочтения: все, что и о чем он (она) пишет, пропущено через присущие ему (ей) гендерные фильтры. Дж. Сёрль, критически оценивая достижения лингвистической философии XX в., сетовал:

...лишь немногие из современных и недавно живших философов языка делали попытки видеть в языке естественное продолжение наших не-языковых биологических интенций. Язык не рассматривается ими ни как продолжение, ни как продление нашего специфически человеческого биологического наследия [Searle 2007, p. 14] (перевод наш. – В. М.).

Следовательно, являясь продолжением наших биологических интенций (и обусловленных ими гендерных предпочтений), язык неизбежно служит их реализации.

Но налагают ли гендерные характеристики автора отпечаток на создаваемый им (ею) эстетический объект; различаются ли своими конфигурациями эстетическое событие в «женской» и «мужской» прозе? Думается, ответ на этот вопрос искать нужно – маскулинно- и фемининно-обусловленные биологические интенции различаются, и эти различия, конечно же, должны оставлять определенный след на создаваемом в литературном произведении эстетическом объекте.

Женский (фемининный) способ использования языка описан всесторонне. Так, одной из первых взявшаяся за этот труд Робин Лакофф в своей книге «Язык и место женщины» перечисляет его базовые характеристики: гиперкорректная грамматика, употребление слов и фраз, смягчающих категоричность утверждения («знаешь», «что-то вроде», «мне так кажется...» и т. д.), ярко выраженное использование вежливых форм, не прямой характер просьб («Здесь так холодно, правда?» = просьба закрыть окно), склонность к более частому использованию уменьшительно-ласкательных слов, прямое цитирование (в этом случае мужчины не цитируют услышанное, а имеют тенденцию к перефразированию) и многое другое [Lakoff 2004, p. 42–51]. Вслед за Р. Лакофф в гендерную проблематику вошло огромное количество исследователей (см., например, работы А.В. Кирилиной, где дается обстоятельный анализ состояния современной гендеристики [Кирилина 2004]). И вместе с тем многие вопросы культурологии и, в частности, литературоведения, которые соотносятся с гендеристской проблематикой, нуждаются в рассмотрении и более глубоком изучении. К ним относится и вопрос гендерно-ориентированного формата эстетического события и эстетического объекта.

Рассмотрение его удобнее вести на материале литературы, где гендерный компонент выражен форсированно, в нашем случае это – феминистская проза.

Барбара Кингсолвер (род. в 1955 г.) – американская писательница, номинантка на Пулитцеровскую премию (роман «Библия ядоносного дерева», 1998) и лауреатка Пулитцеровской премии 2023 г., которую она получила за роман «Демон Копперхед», явившийся современной интерпретацией сюжета Дэвида Копперфилда. Барбара Кингсолвер – представительница так называемой второй волны американского феминизма, толчок к формированию которой дала книга Бетт Фридан «Загадка женственности» (“The Feminine Mystique”), опубликованная в 1963 г. издательством “Нортон и Компания». По свидетельству самой Б. Кингсолвер, она познакомилась с этой книгой в университете и стала под ее влиянием одним из активистов движения в борьбе за права женщин («...книга, которая изменила мою жизнь», – заявила она в октябре 1998 г. в интервью журналу «Нью Йорк Таймс»¹).

Первый роман Барбары Кингсолвер «Бобовые деревья» (“The Bean Trees”) был опубликован в 1988 г. Роман несет в себе базовые

¹ URL: <https://web.archive.org/web/20180503123303/https://www.nytimes.com/1998/10/11/magazine/the-novel-as-indictment.html>] (дата обращения 3 августа 2023).

идеологемы феминизма и прежде всего демонстрирует процесс, если можно так выразиться, форсированной амазонизации жизни современной женщины, которая не только обходится без мужчин, не только противопоставляет себя мужчине, но и вытесняет его из привычного ему мужского функционала. Героиня романа (с рождения Мариетта) уезжает из материнского дома в Кентукки в Аризону, чтобы заняться самостроительством (self-made woman как феминистская инверсия концепта self-made man), меняет пропитанное женственностью имя Мариетта на более мужское имя Тейлор. Тейлор становится матерью девочке-найденышу, индианке Черепашке, удочеряя ее, причем процесс официального удочерения заставляет героиню испытать не меньшие муки, чем муки естественные, родовые – такова американская бюрократия! Отсутствие мужчины как обязательного участника процесса зачатия, как и развод второй главной героини романа, Лу Энн, которая рождает сына уже после развода (ее бывший муж – спортсмен, профессиональный наездник, выступающий на родео), не только не препятствуют полноценной реализации женщинами своего предназначения, но и способствуют этому. «Женщины без мужчин» – вторая, напрашивающаяся сама собой, инверсия, на этот раз – инверсия знакового хемингуэевского концепта «Мужчины без женщин». И, наконец, полное вытеснение женщинами мужчин с привычных мужских позиций (политика, техника и прочее) реализуется в истории третьей главной героини романа, Мэтти, которая владеет авторемонтной мастерской и ловко управляет с тем, с чем трудновато ассоциировать женщину и женственность – регулировкой схода-развала колес, заменой покрышек и прочими, чисто мужскими, занятиями. Кроме того, Мэтти активно занимается реальной политикой, помогая натурализоваться в США беженцам-нелегалам из Латинской Америки.

Но бюрократические проволочки американской системы усыновления-удочерения, процесс вулканизации шин или проблемы интеграции латиноамериканцев в англо-саксонскую культуру без труда описал бы любой мужчина – тот же Дж. Боккаччо! Но что не смог бы описать самый изощренный в трансгендерных лингвопсихологических реконструкциях писатель-мужчина, так это принципиально женский физиологический опыт (М. Жванецкий: «Никогда не буду женщиной; а интересно, что они чувствуют!» Увы – не дано!).

Беременная Лу Энн ощущает свою беременность так, как ее может ощутить лишь женщина, «изнутри» (это не трюизм, а точная квалификация фокуса наррации). Насмотревшись в приемной врача-гинеколога брошюр для беременных, где на обложках изображались почему-то не женщины на сносях, а уже родившие женщины и,

...устроившись на сиденье довольно плотно набитого автобуса, она пришла к выводу, что так происходит оттого, что эти брошюры пишут и печатают мужчины, которым больше нравится образ матери с ребенком на руках, чем образ беременной женщины. Да, все именно так!² (перевод наш. – В. М.).

Отметим это различие. Мужской взгляд на беременность, скажем мы, обусловлен внешними, внефизиологическими ассоциациями, базовым «якорем» которых является, вероятно, Мадонна, богоматерь, женский взгляд – ассоциациями внутренними, физиологическими. Эта оппозиция, если перевести разговор на поле философии или поэтики, реализует сложную диалектику быта и бытия, общего и частного, обыденного и трансцендентного, то есть раскрывается в эстетических объектах, релевантных для разных гендерных групп.

И далее:

Она обратила внимание: в автобусе несколько мужчин встали, чтобы дать ей место, но ни один на нее не посмотрел – так, как они обычно смотрят на женщин. Подростки из старших классов не пытались прижаться к ней на поворотах или резких остановках, якобы случайно, и не отпускали по ее поводу никаких замечаний. Это было для Лу Энн новинку – сидеть и, полностью расслабившись, отдыхать в битком набитом автобусе. А неплохо было бы, наверное, всю жизнь проходить беременной, верно?.. Какое это наслаждение – ехать в автобусе, когда мужчины тебя не толкают и не трогают! Покой, в котором пребывала Лу Энн, позволил ее мыслям улететь прочь, подальше от этого ее странного, огромного тела³.

И вновь – внутрифизиологическая мотивировка: в период беременности женщина выходит из привычных отношений с мужчинами, разрывает ту «совокупность общественных отношений», что составляет суть личности в обыденных ситуациях. И это обстоятельство также способствует формированию эстетического события и эстетического объекта особого рода.

Под эстетическим объектом мы понимаем конфигурацию (архитектонику) художественного мира, окрашенную определенной модальностью, макроконцепт в его соотнесенности с категорией прекрасного, базовой эстетической категорией, и реализующий

² *Kingsolver B. The Bean Trees. New York: Harper and Row Publishers, 2009. P. 37–38.*

³ *Op. cit. P. 37–38.*

все прочие, производные от базовой и соотносящиеся с ней эстетические категории. В соответствии с классической теорией литературы, «эстетически прекрасное равнозначно человеческому в лучшем смысле этого слова» [Гуляев 1977, с. 68]. «Человеческое в лучшем смысле этого слова», пусть и в иной терминологической оболочке, есть кантовское «целесообразное» (Кант определяет красоту как «форму целесообразности предмета» [Кант 1966, с. 240]). Прекрасным будет мир (художественный), абсолютно целесообразный для агентов эстетической деятельности – автора, героя и читателя. Естественно, такого рода конфигурация художественного мира невозможна по определению, эксперименты по ее реализации ведут либо к профанации категории прекрасного, либо к ее инверсии (“Bright New World”), но вся история литературы и являет собой поле реализации различных форм авторской модальности (модус) в ее отношении к predetermined той или иной историко-культурной и авторски-индивидуальной картине мира (диктум) – от тотального, трагически-пессимистического в своей основе отказа от самой мысли о возможности реализации категории прекрасного (допустим, «Чума» А. Камю, где мир предстает как тотально нецелесообразный, то есть абсурдный), до буквального его воплощения, как это делается в романтической литературе – «Эндимион» Дж. Китса (“A thing of beauty is a joy forever”) или «Генрих фон Офтердинген» Новалиса.

В последнем случае идея абсолютной целесообразности мира реализуется через мотив личного бессмертия. Понятно, что данный мотив следует интерпретировать, как нас учит история литературы, прежде всего как мотив бессмертия художника, бессмертия искусства, то есть в бытийном ключе. Но бытие бессмертного художника покоится на мотиве его бытового бессмертия, иными словами, на факте гипостазируемой Новалисом уникальной способности героя романа к поддержанию стабильного гомеостаза в онтогенезе, причем именно это обуславливает и его филогенетический формат – бессмертие человечества, бессмертие искусства и т. д. и т. п. По сути, это и есть эстетический объект, созданный романтизмом, – абсолютная целесообразность филогенеза, реализованная посредством абсолютно целесообразного онтогенеза.

Эта реализация и станет эстетическим событием. Событие как акт перехода актантом границы, разделяющей семантические поля, прорывает барьер между индивидуальным человеком и человеком родовым. Неслучайно о «смысловом прорыве» как формообразующем механизме бытийного дискурса, к которому относится и дискурс художественный, говорят исследователи [Карасик 2002, с. 240–243]. Быт, преобразующийся в бытие, – такова логика

эстетического события, продуктом которого как раз и станет эстетический объект. Об этом писал, в частности, М. Хайдеггер, когда говорил:

...ибо творение только тогда действительно, когда мы отторгаемся от всей нашей обыденности, вторгаясь в открытое творением, и когда мы таким образом утверждаем нашу сущность в истине сущего [Хайдеггер 2009, с. 209].

При чем здесь гендер? Как он влияет на суть и структуру эстетического события? Гендер, конечно же, проявляет себя, прежде всего, в быту. Быт, преимущественно, физиологичен, а следовательно, гендерно окрашен. А если так, то, осуществляя «прорыв» из быта в бытие, *из сущности в истину сущего*, автор, герой и читатель как агенты и участники эстетического события вводят в этот прорыв и характерные для каждого из них гендерные предпочтения – и как инструменты создания текстов, и как инструменты их рецепции.

Отсюда – два важных следствия. Первое. Поскольку эстетический объект – и как результат креации, и как результат рецепции, модулируется гендерными характеристиками участниками эстетического события, то эстетический объект отличается гендерно фундированной вариативностью. Второе. Эстетический объект, созданный на основе одних гендерных предпочтений, не будет восприниматься как воплощение подлинной «целесообразности» в рамках предпочтений иных. Понятно, что эта вариативность налагается на вариативности иного рода, а также нивелируется более общими, чем гендер, основаниями человеческой культуры, но сбрасывать его со счетов при интерпретации эстетического объекта нельзя, особенно в ситуациях, где мы сталкиваемся с намеренно феминистским креном литературы – как в случае с романом Барбары Кингсолвер.

Мужской концепт бытия с точки зрения женщины (и автора, и героя, и читателя) – псевдобытие. Мадонна – выхолощенный в своей основе, а потому обреченный на провал опыт реализации гомеостаза в филогенезе, ибо он не имеет онтогенетических оснований. Здесь перед нами – попытка реконструкции сущего вне сущности, ее имитация. Мадонна лишь похожа на мать, между матерью и Мадонной – отношения сходства (метафора). Нормально начавшаяся, нормально протекающая и завершенная рождением человека беременность как онтогенетическая форма гомеостаза женщины – путь к успешному поддержанию гомеостаза и в филогенезе, непосредственному, а не псевдопретворению сущности в сущее (метонимия).

Иное – женский концепт бытия: то, что мужчина (политик, спортсмен, автослесарь, любитель мадонн) воспринимает как быт

(индивидуальный физиологический опыт беременности, сущее вне сущности), в своей тотальной целесообразности оборачивается бытием в самом полном значении этого слова. Конечно, мировая политика, спорт, вулканизация покрышек – в высшей степени важные занятия. Но для человека нет достойнее дела, чем воспроизводство рода, чем и заняты героини Барбары Кинг-солвер. Поэтому эстетическое событие в женской прозе (прозе, написанной женщиной, о женщине и для женщины), если так можно выразиться, бессобытийно: актанту наррации нет необходимости переходить границы, разделяющие семантические поля, ибо он (она) одновременно пребывает в обоих: и в онтогенезе, и в филогенезе, и в быту, и в бытии, своей личной жизнью реализуя категорию прекрасного как человеческого в его абсолютной целесообразности.

Литература

- Гуляев 1977 – *Гуляев Н.А.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 1977. 278 с.
- Кант 1966 – *Кант И.* Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. 564 с.
- Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Кирилина 2004 – *Кирилина А.В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 252 с.
- Хайдеггер 2009 – *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2009. 528 с.
- Lakoff 2004 – *Lakoff R.* Language and Woman's Place. Oxford – New York. Oxford University Press, 2004. 326 p.
- Searle 2007 – *Searle J.* What is language: Some preliminary remarks // Explorations in Pragmatics. Linguistic, Cognitive and Intercultural Aspects / Ed. by I. Kecskes, L.R. Horn. Berlin; New York, 2007. 355 p.

References

- Gulyayev, N.A. (1977), *Teoriya literatury* [Theory of Literature], Vysshaya Shkola, Moscow, Russia.
- Heidegger, M. (2009), *Istok khudozhestvennogo tvorchestva* [The Source of Artistic Creation], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Kant, I. (1966), *Sochineniya* [Works], in 6 vols., vol. 5, Mysl, Moscow, Russia.
- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, discours* [Language Circle. Personality, Concepts, Discourse], Peremena, Volgograd, Russia.

- Kirilina, A.V. (2004), *Gendernye issledovaniya v lingvistike I teorii kommunikatsii* [Gender Studies in Linguistics and Theory of Communication], Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Lakoff, R. (2004), *Language and Woman's Place*, Oxford University Press, Oxford, New York.
- Searle, J. (2007), "What is language: Some preliminary remarks", Kecskes, I. and Horn, L.R. (eds.), *Explorations in Pragmatics. Linguistic, Cognitive and Intercultural Aspects*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York.

Информация об авторе

Виктор А. Миловидов, доктор филологических наук, профессор, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33; vik-milovidov@yandex.ru

Information about the author

Viktor A. Milovidov, Dr. of Sci. (Philology), Tver State University, Tver, Russia; bld. 33, Zhelyabova Street, Tver, Russia, 170100; vik-milovidov@yandex.ru